

Моей бабушке Элис и всем ее единорогам

[Эта страница была переведена с корейского языка]

12.08

РАЗДЕЛ: СЛУХИ

Top-10 Entertainment находится в поисках новых талантов

Как у паука, что ждет своего часа, у меня множество глаз на земле, и они следят за тем, что происходит в знаменитом мегалейбле К-поп Top-10 Entertainment. Источники сообщили мне, что искатели талантов от Top-10 в этом месяце таились поблизости норэбанов¹, по-видимому, в поисках англоговорящих трейни. Искатели были замечены в окрестностях Синчон-дона, в частности вблизи кампуса Университета Ёнсе, на Мёндоне и, конечно же, в бывших районах Итхэвон-дона.

Итак, мои дорогие читатели, если вы свободно говорите по-английски и мечтаете об: а) отсутствии социальной жизни; б) сне максимум три часа в сутки; в) компаньонке, которая будет сопровождать вас всегда, даже когда вы мочитесь; г) таком количестве пластических операций, что даже ваша собственная мать вас не узнает, то сейчас у вас есть отличный шанс.

+V+

¹ Норэбан – караоке-салон. (Примеч. ред.)

dumdeo

Норэбаны?? Неужели Top-10 настолько отчаялись??? Разве у них нет искателей талантов по всему миру?

.....

Chin-Swoon

Я мечтаю о том, как буду жить в том же общежитии, что и Чханэль...

XOL

Или Ёнджун ٩(♡ε♡)٩

.....

Anonymous

Берегитесь, V отложит паучьи яйца в вашем мозгу, если не быть осторожными.

.....

Inst-110

Я видел одну из них в Синчоне! Но она не выбрала меня, потому что я не так хорошо говорю по-английски :(

zelu-b0t

О да, уверена, только поэтому она не выбрала тебя...

.....

Aegyoona

Боже, я уже не ВЫДЕРЖИВАЮ из-за новых айдоллов Top-10. Я до сих пор одержима Солли.

Один

— LIGHT-UP-LIGHT-UP! YOU SEE ME NOW? NAEGA WON-HANEUN GEON NE BICH IEOSS-EO!

Оливия подпрыгивала на черном виниловом диванчике в кабинке нашего крошечного норэбана и кричала во все горло. На экране телевизора показывали, как девять участников MSB танцевали, а внизу прокручивался текст песни Light Up. Я напевала себе под нос, листая папку размером с телефонную книгу, переполненную названиями песен.

— ОН-ОН-ОН, НУН-ОН! — завопила Оливия.

Я нажала #6403 на пульте, затем откинулась назад и наблюдала, как моя младшая сестра заканчивает свою песню. Оливия всегда делала одно и то же движение — она размахивала локтями и виляла своим конским хвостом взад и вперед, так что над ее головой создавался пушистый ореол. Боже, она была такой дурочкой — даже будучи ребенком, она могла меня рассмешить. Я помню как-то раз, когда ей было года два или три, она впервые попробовала лимон. Было уморительно, как она облизывала губы, потому что они были ужасно кислыми, а затем она продолжала облизывать их снова и снова и морщила лицо, просто чтобы заставить меня смеяться.

Была пятница, и у нас недавно закончились занятия в новой международной школе, так что мы обе все еще были одеты в форму — блейзер, плиссированная юбка, гольфы до колен и мокасины. Единственная разница заключалась в том, что я носила цвет старшей школы, темно-синий, а Оливия — яркий бананово-желтый цвет средней школы. Она была похожа на племяшку Большой Птицы¹.

— BUREUL KYEODA, GIRL! — Она наклонилась, чтобы поднести микрофон к моему лицу, и я напела мелодию.

Оливии потребовалась целая вечность, чтобы убедить меня зайти в это место. Не потому, что оно находится в грязном подвале и чтобы добраться до него, нужно спуститься по лестнице, исписанной граффити, и не потому, что я действительно скептически отношусь к любой форме развлечений, проходящих *под землей*. А потому, что в единственных местах для караоке, которые я когда-либо видела в Америке, приходилось петь перед кучей пьяных незнакомцев, которые освистали бы вас за кулисами, если бы решили, что вы не отдаете должное Journey, или Аланис Мориссетт, или какому-нибудь другому артисту, которого слушают люди возраста моих родителей. Но Оливия объяснила, что у нас будет отдельная кабинка, где мы будем петь только вдвоем, и я наконец сдаюсь. Я провела шесть мучительных месяцев без пения — столько времени прошло с тех пор, как я оставила свои уроки вокала в Сан-Франциско (не говоря уже о большей части моего имущества и всех друзьях). Отдельная комната в норэбане даже отдаленно не походила на урок вокала, но это было лучшее из возможного, а я была в отчаянии.

¹ Большая Птица — персонаж детской телевизионной передачи «Улица Сезам». (Примеч. ред.)

— LI-IIGHT ME UUUUUP! BA-DA-DA-DAAAAN.

Оливия вскочила на диванчик, когда затихла последняя нота, и спозировала, положив одну руку на бедро, а другой направив микрофон в потолок, по образцу своего кумира. Я засмеялась над ней, и это раззадорило ее еще больше. Одной из лучших вещей в переезде в Сеул было то, что я стала гораздо больше общаться с сестрой. Дома мы почти не виделись — она всегда чем-то занималась со своими друзьями, а я развлекалась со своими. Я и забыла, как нам было весело вместе и какой игривой она могла быть. Честно говоря, это значительно облегчило жизнь в городе, где я совсем никого не знала.

— Мисс Жгучесть, какой потрясающий сет! Как я смею выйти на сцену после такого представления?

— Ха-ха-ха, — сказала Оливия.

— Что это было, третья песня MSB подряд? — поддразнила я.

— Вообще-то, четвертая. — Оливия слушала множество разных К-поп групп, но MSB были ее настоящим пристрастием. Она была преданной ВоМ — фандом MSB, — может быть, даже самой преданной.

— Ты так одержима.

— Я не *одержима!* — возмутилась она. — У меня просто потрясающий вкус.

Телевизор переключился на следующую песню, и из динамиков зазвучали тихие вступительные аккорды Million Reasons.

— Да ладно тебе, Элис, — пожаловалась Оливия, — ты *всегда* включаешь эту песню!

Это была правда. Я, наверное, включала Million Reasons по крайней мере десять или двенадцать раз в день, а когда она не играла на ноутбуке или телефоне, я пела ее сама.

Музыка Леди Гаги была такой, что заставляла дважды мыть голову только ради того, чтобы петь ее под душем еще несколько лишних минут. Но это не просто потрясающая песня — было что-то еще. Это странное состояние приходит каждый раз, когда я пою то, что мне действительно нравится: словно два полярно противоположных чувства наполняют меня одновременно — глубокая меланхолия и полная эйфория.

Эта комбинация полностью меня сражает. У меня нечасто возникает такое чувство, но с Million Reasons оно гарантировано.

— Если у тебя четыре песни MSB, у меня по крайней мере одна Леди Гаги, — сказала я. — И спустись оттуда, пока не упала и не сломала лодыжку.

Оливия бросила мне микрофон и опустилась на диванчик, готовясь наблюдать за мной... Я вышла в переднюю часть комнаты и драматично повернулась спиной к экрану. Мне не нужно было читать текст: я знала каждую секунду песни наизусть. Я склонила голову над микрофоном, и волосы упали мне на лицо. И затем я начала петь.

Когда зазвучал припев, я подняла волосы и перекинула их через голову, затем ударила себя кулаком в грудь, и Оливия расхохоталась. Она всегда пробуждала мою дрянную сторону, и она была единственным человеком, который никогда не мог заставить меня чувствовать себя глупо, ведь она знает, какая я на самом деле.

Примерно на третьей минуте песни я начинаю испытывать это грустно-счастливое чувство. Я закрываю глаза и импровизирую, пою все, что мне нравится; все, что кажется правильным. Мое тело начинает брать верх, словно оркестр, состоящий из легких, горла и живота, знающий, что делать, без дирижирования моего мозга. Это практи-

чески единственный момент, когда я чувствую себя по-настоящему уверенной в себе. Полагаю, потому что я не думаю о том, как выгляжу или как звучу, я просто растворяюсь в музыке.

Через полминуты песня закончилась, и я открыла глаза, увидев Оливию, стоящую на диванчике и дико хлопающую в ладоши:

— Ууу! На бис! НА БИС!

Я скрестила руки на животе и отвесила глубокий поклон:

— Спасибо, спасибо всем моим обожаемым поклонникам.

— Ты стала так хороша. *Очень* хороша.

— Не-а, — сказала я застенчиво.

— Я серьезно. Ты звучишь совсем как Леди Гага.

— Возможно, это высший комплимент, который мне когда-либо делали.

Оливию посмотрела на меня, склонив голову набок:

— Знаешь, чего я никогда не понимала?

— Чего? — спросила я.

— Откуда ты знаешь, какие ноты петь в средней части, когда ты просто начинаешь что-то выдумывать?

— Я не знаю, серьезно, — пожалала я плечами. Это было все равно что спросить меня, откуда я знаю, что черника темно-синяя. — Я просто... знаю.

— Хотела бы я знать, как это сделать.

— Давай, два часа почти истекли. Нам пора.

Было почти восемь, а нам до дома было где-то полчаса езды на метро. Я подобрала пустые бутылки из-под кофе и обертки от закусок и бросила их в маленькое мусорное ведро, затем мы вышли в тусклый коридор. Приглушенное пение доносилось из других комнат, когда мы проходили мимо.

Мы прошли всего несколько шагов, когда Оливия резко остановилась.

В темном коридоре из ниоткуда появилась фигура. Не раздумывая, я выставила руку перед грудью Оливии, как мама, которая только что нажала на тормоза машины.

Фигура вразвалку подошла к нам, и когда она приблизилась, я поняла, что это женщина примерно одного возраста с моей бабушкой. Выцветшая серая бейсболка с логотипом SONY1985 была надета поверх ее копны солоновато-белых волос. Было совершенно странно видеть кого-то ее возраста в дешевом норэбане, полном подростков.

Женщина улыбнулась нам и поклонилась:

— Аньонхасейо. Чонын Тэ Сори имнида. Чоым папке-сымнида.

— Мы не говорим на корейском, — выпалила я.

Это было не совсем правдой. За шесть месяцев, прошедших с тех пор, как мы переехали, я выучила основы корейского языка. Но я ужасно разбираюсь в языках. По правде, испанский был моим худшим предметом в школе на родине. А когда дело дошло до корейского, я просто не могла отличить длинные слоги «анг» и «йонг» и постоянно путала резкие звуки «чж» и «дж».

А вот Оливия была похожа на маму: она была гением в языках. Еще до того, как мы узнали, что собираемся переехать в Сеул, она нашла клипы ЕХО на YouTube и начала смотреть дорамы, чтобы вести целые беседы со своими друзьями на корейском языке. Раньше меня сводило с ума, когда приходили ее друзья и я не могла понять, о чем они говорят. Конечно, теперь, когда мы жили здесь, это оказалось до смешного полезно, но я не хотела, чтобы она разговаривала с какой-то жуткой незнакомкой, поэтому просто солгала.

— Извините, мы не можем вам помочь, — сказала я, пытаюсь пройти мимо женщины.

— Ах! Хорошо, что я говорю по-английски! — сказала она. Она ухмыльнулась нам и ни на дюйм не сдвинулась с нашего пути. — Я Сори Тэ. Работаю в компании под названием Top-10 Entertainment. Вы знаете Top-10?

Оливия резко вдохнула и схватила меня за протянутую руку:

— Я знаю Top-10!

— Ты знаешь? — спросила я, глядя на нее с удивлением. Что, черт возьми, это был за Top-10 Entertainment? Эта женщина изготавливает автоматы для караоке или что-то в этом роде?

— Отлично! — сказала женщина, хлопая в ладоши. — Скажите мне, пожалуйста, чей это был голос?

— Это, должно быть, она, — ответила Оливия, указывая на меня.

— Американка? — спросила женщина.

— Угу, — ответила Оливия.

Женщина оглядела меня с ног до головы:

— Сколько лет, восемнадцать? Девятнадцать?

— Вообще-то семнадцать, — сказала Оливия.

— Оливия! — возмутилась я. Это было совсем не круто. Мне не нравилось, что эта незнакомка задавала всевозможные личные вопросы обо мне, и мне *очень* не нравилось, что Оливия отвечала.

Женщина выудила визитную карточку и ручку из складок своей огромной парки и нацарапала на обороте: «Суббота, 10 утра».

— Ты очень хорошая певица, и я хочу, чтобы ты пришла на наше прослушивание в следующую субботу. Можешь спеть Million Reasons. Вот. — Она протянула мне карточку обеими руками, и когда я не пошевелилась, чтобы взять ее, Оливия приняла ее с вежливым поклоном.

— Камсамнида, — сказала Оливия.